

сталинских репрессий, определенное ослабление давления государственной системы на культуру, расширение границ для творческой и научной самореализации, появление первых проявлений общественного пробуждения при всей их противоречивости – безусловно, позитивные перемены. С другой стороны, в некоторых областях общественной жизни можно говорить об ужесточении административного давления и контроля. К тенденциям такого рода, среди прочих, следует отнести действия властей по преодолению религиозных пережитков в сознании советских людей и утверждению, в том числе и административному, атеизма.

Усиление влияния церкви (в том числе РПЦ) в военные и полные лишения первые послевоенные годы в течение всего этого времени вовсе не исключало, скорее наоборот – предполагало, активизацию усилий советских и партийных органов по всестороннему ограничению и контролю деятельности церковных организаций. И если по отношению к государству, в котором церковь законодательно отделена от него, религия могла бы рассматриваться (но не рассматривалась) как частное дело, то теоретические и программные положения и установки правящей коммунистической партии вовсе исключали лояльное отношение к религии как к ненаучному и реакционному мировоззрению.

Вместе с тем, документы архивов и проведенный на их основе анализ конфессиональной ситуации в послевоенное двадцатилетие свидетельствуют о том, что государственно-конфессиональные отношения характеризовались разной степенью напряженности и непримиримости со стороны государственных и партийных органов. В годы "хрущевской оттепели" целенаправленное и широкомасштабное давление на церковь значительно возрастает с конца 1950-х гг. Хотя, следует обратить внимание на то, что на усиление и активизацию атеистической пропаганды и антирелигиозной деятельности в целом нацеливали принятые еще в 1954 г. постановления ЦК КПСС "О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения" и "Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения". В последнем из указанных постановлений не только отмечались "факты превышения полномочий и оскорбления чувств верующих и духовенства со стороны отдельных местных работников", но и содержалось требование к партийным организациям об усилении идейной борьбы против религиозных взглядов, подчеркивалась необходимость "воспитания трудящихся в духе воинствующего материализма" [1, с. 447]. Руководствуясь постановлением ЦК КПСС, ЦК КПБ 17 ноября 1954 г. принял постановление "О состоянии и мерах улучшения научно-атеистической пропаганды в республике", в котором также потребовал "усилить идеологическую борьбу против религии, обеспечить освобождение верующих от религиозных предрассудков" [2, с. 573].

Партийные комитеты всех уровней на основе упомянутых выше постановлений разрабатывали мероприятия по их реализации. В них предусматривались конкретные направления и формы работы по усилению научно-атеистической пропаганды. Проводились совещания и семинары, обновлялся состав лекторских групп и тематика лекций. На заседаниях бюро обкомов, горкомов и райкомов партии заслушивались отчеты о работе по выполнению запланированных мероприятий. Следует обратить внимание на то, что до конца 1950-х гг. главное внимание было сосредоточено на атеистической направленности в идеологической и воспитательной работе. Так, Кричевским районным комитетом КПБ было организовано 5 новых циклов лекций по научно-атеистической проблематике, которые проводились в кинотеатре города, клубах цементного завода и железнодорожного узла, в машинотракторных станциях [3 л. 18]. В г. Могилеве был организован семинар секретарей первичных партийных организаций и руководителей агитколлективов, проведены кустовые собрания агитаторов на некоторых промышленных предприятиях и железнодорожной станции, пересмотрен состав лекторской группы Могилевского горкома КПБ [4, л. 7, 18].

Активизация идеологического (зачастую подкрепленного административным) давления на церковь во второй половине 1950-х гг. привела к некоторому снижению посещаемости

Т.В. Опиок (г. Могилев, РБ)

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ГОДЫ "ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ"

Для общественной жизни в годы "хрущевской оттепели" характерно взаимодействие разных тенденций, половинчатость, непоследовательность и, как следствие – противоречивость. Демократические преобразования в одних сферах блокировались сохранением прежних, сталинских по сути, позиций в других. Реабилитация невинно осужденных жертв

храмов и в городах и в сельской местности, сокращению количества проведенных в церквях религиозных обрядов. В секретной записке уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Могилёвской области от 16 ноября 1959 г. приводятся статистические данные такого рода за 1957–1959 гг. В ней, в частности, отмечается, что церкви переполнены народом (до 50% молодежь) только в большие престольные праздники. В обычных службах в городах области принимали участие от 50 до 200 человек (75–80% – пожилых и старых, около 15% – средних лет, 4–5% – дети школьного и дошкольного возраста). В сельских храмах посещали церковные службы от 50 до 350 человек (в зависимости от величины населенного пункта). Среди сельских прихожан около 90% составляли женщины, из них до 80–85% – “люди старого и старческого возраста”, которые часто приводят в церкви детей (2–4%). Отмечается также, что и в городах и в сельской местности практически не бывает в храмах молодежи (за исключением богослужений в престольные праздники и участия некоторых в обрядах венчания и крещения). Приведенные уполномоченным данные свидетельствуют о сокращении количества венчаний и погребений и в городах и в деревнях. Так, в г. Горки в 1957 г. было проведено 31 венчание и 403 крещения, в 1958 г. – 21 венчание и 418 крещений, в 1959 г. – 11 венчаний и 308 крещений [5, л. 270–271].

Очевидно, что не оставляли места религии в советском обществе и выводы, сделанные на XXI и XXII съездах КПСС, прежде всего, те, в которых констатировалась полная и окончательная победа социализма в СССР, переход к строительству коммунизма, и принятие в связи с этим новой программы партии.

Поставленная коммунистической партией цель была законодательно подкреплена рядом постановлений на общесоюзном и республиканском уровнях. Так, в 1958 г. Совет Министров СССР принял постановление “О налоговом обложении доходов епархиальных управлений”, “О монастырях в СССР”, в 1961 г. – “Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах” и соответствующую секретную инструкцию. Содержание этих и некоторых других документов свидетельствует о выборе более жесткой линии в государственно-конфессиональной политике.

В реализации поставленных партией и советским правительством задач важное место, как и в предыдущие годы, отводилось идеологической, в том числе антирелигиозной пропаганде. Анализ архивных документов свидетельствует о том, что в этой работе были задействованы партийные комитеты, органы власти, уполномоченные Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР, общественные организации и активисты всех уровней. Особое внимание обращалось на использование разнообразных форм и методов, ее эффективность и результаты. Как следует из докладных записок уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Витебской области, во всех районах области проводились совещания и семинары в горкомах и райкомах партии, читались лекции на атеистические темы. Широко практиковались читательские конференции, тематические молодежные вечера, выступления агитбригад, устные журналы, кинолектории, дни атеиста. Проводилась индивидуальная работа с членами церковных советов и верующими, молодыми священнослужителями с целью “отрыва их от церкви” [См.: 6, с. 181–185; 205–215].

Вместе с тем, в этих же документах отмечается недостаточность и формализм в проведении антирелигиозной работы. Состояние научно-атеистической пропаганды оценивалось не по результатам воздействия, а по количеству прочитанных лекций, а они не всегда доходили до той категории граждан, для которой предназначались. Коммунисты и комсомольцы принимали участие в совершении религиозных обрядов. Более того, как г. отмечал уполномоченный, в большинстве горкомов и райкомов партии не было выполнено решение Витебского обкома КПБ и не были разработаны мероприятия по выполнению постановления Бюро ЦК КПБ “О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах”. Обращает на себя внимание и тот факт, что критика в адрес партийных органов была связана и с тем, что они не

проводили должной работы по подбору членов церковных советов (чтобы не попадали под влияние духовенства и информировали местные власти о действиях священнослужителей, нарушающих законодательство о культах). Как недостаток в работе партийных комитетов отмечается и то, что ими не используется возможность через сведения о регистрации обрядов выявлять участие в них коммунистов [6, с. 184, 212].

Важной составляющей в борьбе против церкви в 1950-х – начале 1960-х гг. были меры, направленные против духовенства. В соответствии с постановлением Совет Министров СССР 1961 г. “Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах” и соответствующей секретной инструкцией снимались с регистрации те из священнослужителей, которые проводили службы под открытым небом или на кладбищах, участвовали в похоронных процессах, освящали дома, крестили детей или отпевали усопших на дому. Только в Витебской области в 1964 г. были сняты с регистрации 4 священника, 1 дьякон и 4 председателя церковных советов [6, с. 207]. После вынужденного принятия Архиерейским собором в 1961 г. изменений в “Положение об управлении Русской Православной Церковью” духовенство отстранялось от финансово-хозяйственной деятельности приходов, а с 1962 г. переводилось на твердые оклады, размер которых определялся церковными советами. Серьезно отразились на кадровом составе духовенства частые перемещения священнослужителей, ограничение набора в семинарии и закрытие духовных учебных заведений. Так, в 1963 г. был прекращен набор в Минскую духовную семинарию.

Свидетельством ужесточения государственно-конфессиональной политики в конце 1950-х – начале 1960-х гг. стала кампания по подрыву экономической основы церкви. В этой связи можно говорить возвращении к практике предвоенных десятилетий. Храмы и монастыри закрывались (отмечены и случаи уничтожения), а строения передавались промышленным предприятиям, колхозам и совхозам, школам, культурно-просветительским учреждениям. Так, в Витебской области на 1 января 1960 г. действовало 83 церкви и Полоцкий Спасо-Ефросиньевский женский монастырь, а к 1965 г. осталось только 53 церкви (монастырь был закрыт в 1960 г.) [6, с. 205]. Следует обратить внимание на то, что закрытие и особенно перепрофилирование церковных зданий проводилось намного активнее именно в первой половине 1960-х гг. Показательным в этом плане является пример Толочинского района. В сведениях районного исполнительного комитета о недействующих на территории района культовых зданиях приводятся данные о закрытии церквей с 1948 по 1973 гг. Всего за указанный период было закрыто 6 церквей: в деревнях Буторы (церковь закрыта в 1948 г., а в 1964 г. здание переоборудовано под бригадный клуб); Монастырь (закрыта в 1960 г., а здание использовалось как складское помещение); Журавли (закрыта в 1950 г., в 1964 г. здание переоборудовано под бригадный клуб); Словени (церковь закрыта в 1963 г., а в 1964 г. здание перевезено на школьный двор, перестроено и переоборудовано под спортивный зал); Плоское (закрыта в 1962 г., а в 1963 г. здание перевезено и переоборудовано под интернат) и в городском поселке Коханово (закрыта в 1952 г., в 1953 г. здание перевезено и переоборудовано под детский сад). Всего по БССР за 1960–1964 гг. количество только православных церквей уменьшилось на 53,6% и сократилось к 1965 г до 420 (против 957 в 1953 г.) [См.: 7, с. 277; 8, с. 27].

Последующий анализ конфессиональной политики советского государства в годы “хрущевской оттепели” показал, что ужесточение давления и контроля по отношению к православной церкви не только не привели к победе атеизма, но и, как отмечают исследователи, в значительной мере подорвали гражданскую лояльность многих верующих, вызывали сочувствие к ним. Кроме того, скрытая религиозность представляла большую опасность, нежели легальная, так как ограничивала возможность какого бы то ни было давления, затрудняла контроль. Этими обстоятельствами, в числе прочих, объясняется отход от крайне жесткой линии в государственно-конфессиональных отношениях в последующие годы.

Литература:

1. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 8. – М., 1983.
2. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 4. – Мн., 1983.
3. Государственный архив общественных объединений Могилевской области. Отчет о проведенной работе по выполнению постановлений ЦК КПСС от 10 ноября 1954 года ("Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения") и бюро ЦК КПБ от 31 июля 1954 г. "О состоянии и мерах улучшения научно-атеистической пропаганды в республике". – Фонд 9. – Оп. 114. – Д. 20.
4. Государственный архив общественных объединений Могилевской области. Справка о проведенной работе по выполнению постановления ЦК КПСС от 10 ноября 1954 года "Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения" и постановления бюро ЦК КПБ от 31 июля 1954 г. "О состоянии и мерах улучшения научно-атеистической пропаганды в республике" Могилевским горкомом КПБ. – Фонд 9. – Оп. 66. – Д. 1.
5. Государственный архив общественных объединений Могилевской области. Докладная записка о посещении церквей по Могилевской области. – Фонд 9. – Оп. 104. – Д. 9.
6. Православная церковь на Витебщине (1918–1991): док. и матер. / ред. П. 68 кол.: М.В. Пищуленок (гл. ред.) [и др.]; сост. В.П. Коханко (отв. сост.) [и др.]. – Мн.: НАРБ, 2006.
7. Канфесіі на Беларусі (к. VIII – XX ст.). / В.В. Грыгор'ева, У.М. Завальнюк, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мн., 1998.
8. *Верашчагіна, А.В., Гурко, А.В.* Гісторыя канфесій у Беларусі. Мінулае і сучаснасць. / А.В. Верашчагіна, А.В. Гурко. – Мн., 2000